
САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ АФОРИЗМЫ ТОМАСА МОРА

*Надо следовать тому влечению природы,
которое повинуется разуму в решении вопроса,
к чему надо стремиться и чего избегать.*

У государей нет места для философии.

Все мы ценим добро, лишь теряя его невозвратно.

*Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности
нельзя уравновесить всеми благами мира.
А если мне говорят, что это наказание
есть возмездие не за деньги, а за попрание
справедливости, за нарушение законов,
то почему тогда не назвать с полным основанием
это высшее право высшей несправедливостью?*

*Я не совершил ничего дурного, я не говорил ничего
дурного, я не замышляю никакого зла, но желаю
всем добра. И если этого недостаточно,
чтобы сохранить человеку жизнь,
поистине тогда мне недолго жить.*

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ АФОРИЗМЫ ТОМАСА МОРА

Ничье суждение, искаженное или болезнью, или привычкой, не может изменить природных свойств как других вещей, так и удовольствия.

Природа, как самая нежная мать, все наилучшее, например воздух, воду и саму землю, поместила открыто, а суетное и не приносящее никакой пользы убрала очень далеко.

Действительно, у всякого рода живых существ жадность и хищность возникают или от боязни нужды, или, у человека только, от гордости, вменяющей себе в достоинство превзойти прочих излишним хвастовством своим имуществом.

Допускать, чтобы кто-нибудь один жил среди изобилия удовольствий и наслаждений, а другие повсюду стонали и плакали, — это значит быть сторожем не королевства, а тюрьмы.

Совсем глупо терзать себя без пользы для кого-нибудь из-за пустого призрака добродетели или для того, чтобы иметь силу переносить с меньшей тягостью несчастья, которые никогда, может быть, и не произойдут.

Об этой книге

Томас Мор (1478—1535) — выдающийся английский писатель-гуманист, юрист, государственный деятель. В 1510-х годах он привлек к себе внимание Генриха VIII, который в конце концов в 1529 году сделал Мора лордом-канцлером — это был один из наивысших постов в государстве. Но уже вскоре милость короля сменилась на гнев: Мор был против того, чтобы Генрих стал главой Церкви в Англии; лорд-канцлер был вынужден уйти в отставку, а затем отправлен в Тауэр и казнен.

За свою жизнь Томас Мор написал несколько книг, но самой известной из них, безусловно, является «Утопия». Первое издание вышло в 1516 году в бельгийском городе Лёвен; оно было подготовлено другом Томаса Мора, еще одним великим мыслителем Ренессанса Эразмом Роттердамским.

Говорить о величии и важности «Утопии» можно долго и много. Но, на наш взгляд, достаточно просто упомянуть, что само это слово во многих языках стало нарицательным. Правда, с несколько иным смыслом, чем изначально задумывал великий английский философ.

Для нас утопия — это несбыточная, неосуществимая мечта. Томас Мор же видел свою Утопию иначе: не всё, не сразу, в далеком, в очень далеком будущем и не обязательно с точностью до буквы — но это именно та система взаимоотношений между людьми, между государством и обществом, к воплощению которой в реальность, по его мнению, должно стремиться человечество...

ТОМАС МОР ШЛЕТ ПРИВЕТ ПЕТРУ ЭГИДИЮ

Дорогой Петр Эгидий¹, мне, пожалуй, и стыдно посылать тебе спустя чуть не год эту книжку о государстве утопийцев, так как ты, без сомнения, ожидал ее через полтора месяца, зная, что я избавлен в этой работе от труда придумывания. С другой стороны, мне несколько не надо было размышлять над планом, а надлежало только передать тот рассказ Рафаила, который я слышал вместе с тобой. У меня не было причин и трудиться над красноречивым изложением — речь рассказчика не могла быть изысканной, так как велась экспромтом, без приготовления. Затем, как тебе известно, эта речь исходила от человека, который не столь сведущ в латинском языке, сколько в греческом, и чем больше моя передача подходила бы к его небрежной простоте, тем она должна была бы быть ближе к истине, а о ней только одной я в данной работе должен заботиться и забочусь.

Признаюсь, друг Петр, этот уже готовый текст почти совсем избавил меня от труда, ибо обдумывание материала и его планировка потребовали бы немало таланта, некоторой доли учености и известного количества времени и усердия, а если бы понадобилось изложить предмет не только правдиво, но также и красноречиво, то для выполнения этого у меня не хватило бы никакого времени, никакого усердия. Теперь, когда исчезли эти заботы, из-за которых пришлось столько

¹ *Петр Эгидий* (Эгидий Дельфтский, Жиль де Дельфт; 1486—1533?) — нидерландский философ и гуманист; друг Томаса Мора, вел с ним переписку.

попотеть, мне оставалось только одно — просто записать услышанное, а это было уже делом совсем нетрудным.

Но все же для выполнения этого «совсем нетрудного дела» прочие дела мои оставляли мне обычно менее чем ничтожное количество времени. Постоянно приходится мне то возиться с судебными процессами (одни я веду, другие слушаю, третьи заканчиваю в качестве посредника, четвертые прекращаю на правах судьи¹), то посещать одних людей по чувству долга, других — по делам. И вот, пожертвовав вне дома другим почти весь день, я остаток его отдаю своим близким, а себе, то есть литературе, не оставляю ничего.

Действительно, по возвращении к себе надо поговорить с женой, поболтать с детьми, потолковать со слугами. Все это я считаю делами, поскольку это необходимо выполнить (если не хочешь быть чужим у себя в доме). *Вообще надо стараться быть возможно приятным по отношению к тем, кто дан тебе в спутники жизни или по предусмотрительности природы, или по игре случая, или по твоему выбору; только не следует портить их ласковостью или по снисходительности из слуг делать господ.*

Среди перечисленного мной уходят дни, месяцы, годы. Когда же тут писать? А между тем я ничего не говорил о сне, равно как и обеде, который поглощает у многих не меньше времени, чем самый сон, а он поглощает почти половину жизни. Я же выгадываю себе только то время, которое краду у сна и еды; конечно, его мало, но все же оно представляет нечто. Поэтому я хотя и медленно, но все же напоследок закончил «Утопию» и переслал тебе, друг Петр, чтобы ты прочел ее и напомнил, если что-то ускользнуло от меня. Правда, в этом отношении я чувствую за собой известную уверенность и хотел бы даже обладать умом и ученостью в такой же степени,

¹ Томас Мор получил юридическое образование и считался одним из лучших английских юристов своего времени.

насколько владею своей памятью, но все же не настолько полагаюсь на себя, чтобы думать, что я не мог ничего забыть.

Именно, мой питомец Иоанн Клемент¹, который, как тебе известно, был вместе с нами (я охотно позволяю ему присутствовать при всяком разговоре, от которого может быть для него какая-либо польза, так как ожидаю со временем прекрасных плодов от той травы, которая начала зеленеть от его греческих и латинских занятий), привел меня в сильное смущение. Насколько я припоминаю, Гитлодей² рассказывал, что Амауротский³ мост, который перекинут через реку Анидр⁴, имеет в длину пятьсот шагов, а мой Иоанн говорит, что надо убавить двести; ширина реки, по его словам, не превышает трехсот шагов. Прошу тебя порыться в своей памяти. Если ты думаешь так же, то соглашусь и я и признаю свою ошибку. Если же ты сам не припоминаешь, то я оставлю, как написал, именно то, что, по-моему, я помню сам. Конечно, я приложу все старание к тому, чтобы в моей книге не было никакого обмана, но, с другой стороны, в сомнительных случаях я скорее скажу ложь, чем допущу ее, так как предпочитаю быть лучше честным человеком, чем благоразумным.

Впрочем, этому горю легко будет помочь, если ты об этом разузнаешь у самого Рафаила или лично, или письменно, а это необходимо сделать также и по другому затруднению,

¹ *Иоанн (Джон) Клемент* (?—1572) — английский ученый и врач; вырос в доме Томаса Мора и был женат на его приемной дочери.

² *Гитлодей* — слово, составленное из двух греческих частей: 1) «вздор, болтовня» и 2) «опытный, сведущий».

³ *Амаурот* — название, происходящее от греческого слова, которое означает «темный, таинственный». Мор якобы говорит о несуществующем городе, однако достаточно очевидно намекает на «туманный» Лондон.

⁴ *Анидр* — в переводе с греческого «несуществующая река». Впрочем, из дальнейшего описания видно, что автор имеет в виду Темзу.

которое возникло у нас, не знаю по чьей вине: по моей ли скорее, или по твоей, или по вине самого Рафаила. Именно, ни нам не пришло в голову спросить, ни ему — сказать, в какой части Нового Света расположена Утопия. Я готов был бы, разумеется, искупить это упущение изрядной суммой денег из собственных средств. Ведь мне довольно стыдно, с одной стороны, не знать, в каком море находится остров, о котором я так много распространяюсь, а с другой стороны, у нас находится несколько лиц, а в особенности одно, человек благочестивый и по специальности богослов, который горит изумительным стремлением посетить Утопию не из пустого желания или любопытства посмотреть на новое, а подбодрить и умножить нашу религию, удачно там начавшуюся. Для надлежащего выполнения этого он решил предварительно принять меры к тому, чтобы его послал туда папа и даже чтобы его избрали в епископы утопийцам; его несколько не затрудняет то, что этого сана ему приходится добиваться просьбами. Он считает священным такое домогательство, которое порождено не расчетами почета или выгоды, а соображениями благочестия.

Поэтому прошу тебя, друг Петр, обратиться к Гитлодею или лично, если ты можешь это удобно сделать, или списаться заочно и принять меры к тому, чтобы в настоящем моем сочинении не было никакого обмана или не было пропущено ничего верного. И едва ли не лучше показать ему саму книгу. Ведь никто другой не может наравне с ним исправить какие там есть ошибки, да и сам он не в силах исполнить это, если не прочтет до конца написанного мной. Кроме того, таким путем ты можешь понять, мирится ли он с тем, что это сочинение написано мной, или принимает это неохотно. Ведь если он решил сам описать свои странствия, то, вероятно, не захотел бы, чтобы это сделал я: во всяком случае я не желал бы своей публикацией о государстве утопийцев предвосхитить у его истории цвет и прелесть новизны.

Впрочем, говоря по правде, я и сам еще не решил вполне, буду ли я вообще издавать книгу.

•

*Вкусы людей весьма разнообразны,
характеры капризны, природа их
в высшей степени неблагодарна,
суждения доходят до полной
нелепости. Поэтому несколько
счастливее, по-видимому,
чувствуют себя те, кто
приятно и весело живет
в свое удовольствие, чем те,
кто терзает себя заботами
об издании чего-нибудь,
могущего принести пользу или
удовольствие, тогда как у других
это вызовет отвращение или
неблагодарность.*

•

Огромное большинство не знает литературы, многие презирают ее. Невежда отбрасывает, как грубость, все то, что не вполне невежественно; полужайки отвергают, как пошлость, все то, что не изобилует стародавними словами; некоторым нравится только ветошь, большинству — только свое собственное.

Один настолько угрюм, что не допускает шуток; другой настолько нестроумен, что не переносит остроумия; некоторые настолько лишены насмешливости, что боятся всякого намека на нее, как укушенный бешеной собакой страшится

воды; иные до такой степени непостоянны, что сидя одобряют одно, а стоя — другое. Одни сидят в трактирах и судят о талантах писателей за стаканами вина, порицая с большим авторитетом все, что им угодно, и продергивая каждого за его писание, как за волосы, а сами меж тем находятся в безопасности и, как говорится в греческой поговорке, вне обстрела. *Они настолько гладки и выбриты со всех сторон, что у них нет ни одного волоска честного человека, за который можно было бы ухватиться.*

Кроме того, есть люди настолько неблагодарные, что и после сильного наслаждения литературным произведением они все же не питают никакой особой любви к автору. Они вполне напоминают этим тех невежливых гостей, которые, получив в изобилии богатый обед, наконец сытые уходят домой, не принеся никакой благодарности пригласившему их. Вот и затевай теперь за свой счет пиршество для людей столь нежного вкуса, столь разнообразных настроений и, кроме того, для столь памятливых и благодарных.

А все же, друг Петр, ты устрой с Гитлодеем то, о чем я говорил. После, однако, у меня будет полная свобода принять по этому поводу новое решение. Впрочем, покончив с трудом писания, я, по пословице, поздно хватился за ум; поэтому, если это согласуется с желанием Гитлодея, я в дальнейшем последую касательно издания совету друзей и прежде всего твоему.

Прощайте, милейший Петр Эгидий и твоя прекрасная супруга, люби меня по-прежнему, я же люблю тебя еще больше прежнего.

ПЕРВАЯ КНИГА БЕСЕДЫ, которую вел выдающийся муж, Рафаил Гитлодей, о наилучшем состоянии государства, в передаче знаменитого мужа, Томаса Мора, гражданина и виконта славного британского города Лондона

У непобедимейшего короля Англии Генриха, восьмого с этим именем, щедро украшенного всеми качествами выдающегося государя, были недавно немаловажные спорные дела с пресветлейшим государем Кастилии Карлом¹.

Для обсуждения и улаживания их Генрих отправил меня послом² во Фландрию в качестве спутника и товарища несравненного мужа Кутберта Тунсталла³, которого недавно ко всеобщей радости король назначил начальником архивов. В похвалу ему я не скажу ничего, но не из боязни, что дружба

¹ Имеется в виду конфликт между английским королем Генрихом VIII (1491—1547) и испанским принцем Карлом (впоследствии императором Священной Римской империи Карлом V Габсбургом; 1500—1558): Карл изначально был обручен с сестрой Генриха, однако затем предпочел другую невесту.

² Когда принц Карл получил под свое управление Нидерланды, Генрих VIII запретил экспорт шерсти в эту страну. Эта мера наносила серьезный вред английским купцам, и они попросили Томаса Мора заняться улаживанием конфликта.

³ *Кутберт Тунсталл* (1474—1559) — английский церковный и государственный деятель, дипломат.

с ним не будет верной свидетельницей моей искренности, а потому, что его доблесть и ученость стоят выше всякой моей оценки; затем повсеместная слава и известность его настолько исключают необходимость хвалить его, что, поступая так, я, по пословице, стал бы освещать солнце лампой.

Согласно предварительному условию, в Брюгге встретились с нами представители государя, все выдающиеся мужи. Среди них первенствовал и был главой губернатор Брюгге, а устами и сердцем посольства был Георгий Темзиций, настоятель собора в Касселе, красноречивый не только в силу искусства, но и от природы. К тому же он был превосходным знатоком права и выдающимся мастером в ведении переговоров благодаря своему уму, равно как и постоянному опыту.

После нескольких встреч мы не пришли к полному согласию по некоторым пунктам, и потому они, простившись с нами, поехали на несколько дней в Брюссель, чтобы узнать волю их государя. А я на это время, по требованию обстоятельств, отправляюсь в Антверпен.

Во время пребывания там наиболее приятным из всех моих посетителей был Петр Эгидий, уроженец Антверпена, человек, пользующийся среди сограждан большим доверием и почетом и достойный еще большего. Неизвестно, что стоит выше в этом юноше — его ученость или нравственность, так как он и прекрасный человек, и высокообразованный. К тому же он мил со всеми, а к друзьям особенно благожелателен, любит их, верен им, относится к ним так сердечно, что вряд ли найдешь где другого человека, которого можно было бы сравнить с ним в отношении дружбы.

Он на редкость скромнен, более всех других ему чужда напыщенность; ни в ком простодушие не связано в такой мере с благоразумием. Речь его весьма изящна и безобидно остроумна. Поэтому приятнейшее общение с ним и его в высокой степени сладостная беседа в значительной степени облегчили мне тоску по родине и домашнему очагу, по жене и детям,

к свиданию с которыми я стремился с большой тревогой, так как тогда уже более четырех месяцев отсутствовал из дому.

Однажды я был на богослужении в храме Девы Марии, который является и красивейшим зданием и всегда переполнен народом. По окончании обедни я собирался вернуться в гостиницу, как вдруг случайно вижу Петра говорящим с иностранцем, близким по летам к старости, с опаленным от зноя лицом, отпущенной бородой, с плащом, небрежно свесившимся с плеча; по наружности и одежде он показался мне моряком.

Заметив меня, Петр тотчас подошел и поздоровался. Я хотел ответить ему, но он отвел меня немного в сторону и спросил: «Видишь ты этого человека?» Одновременно он показал на того, кого я видел говорившим с ним. «Я собирался,— добавил он,— прямо отсюда вести его к тебе».— «Его приход был бы мне очень приятен,— ответил я,— ради тебя».— «Нет,— возразил Петр,— ради него самого, если бы ты знал этого человека. Нет ведь теперь никого на свете, кто мог бы рассказать столько историй о неведомых людях и землях, а я знаю, что ты большой охотник послушать это».— «Значит,— сказал я,— я верно угадал. Именно, сразу, на первый взгляд, я заметил, что это — моряк».— «И все-таки,— возразил Петр,— ты был очень далек от истины.

Правда, он плавал по морю, но не как Палинур¹, а как Улисс, вернее как Платон. Именно, этот Рафаил — таково его имя, а фамилия Гитлодей — не лишен знания латыни, а греческий он знает превосходно. Он потому усерднее занимался этим языком, чем римским, что всецело посвятил себя философии, а в области этой науки, как он узнал, по-латыни не существует ничего сколько-нибудь важного, кроме некоторых сочинений Сенеки и Цицерона. Оставив братьям

¹ Палинур — согласно «Энеиде» Вергилия, кормчий кораблей троянского царевича Энея. Палинур ничем особым не примечателен и здесь упомянут как синоним заурядного моряка.

имущество, которое было у него на родине (он — португалец), он из желания посмотреть на мир примкнул к Америго Веспуччи и был постоянным его спутником в трех последующих путешествиях из тех четырех, про которые читают уже повсюду¹, но при последнем не вернулся с ним.

Рафаил приложил все старание и добился у Веспуччи быть в числе тех двадцати четырех, кто был оставлен в крепости у границ последнего плавания. Таким образом, он был оставлен в угоду своему характеру, более склонному к странствиям по чужбине, чем к пышным мавзолеям на родине.

Именно он постоянно повторяет следующие изречения: “Небо покрывает того, у кого нет урны” и “Дорога к всевышним отовсюду одинакова”. Не будь божество благосклонно к нему, такие мысли его обошли бы ему очень дорого.

Впрочем, после разлуки с Веспуччи он с пятью своими товарищами по крепости объездил много стран, и напоследок удивительная случайность занесла его на Цейлон; оттуда прибыл он в Каликвит², где нашел, кстати, корабли португальцев, и в конце концов неожиданно вернулся на родину».

После этого рассказа Петра я поблагодарил его за услужливость, именно — за усиленную заботу о том, чтобы мне насладиться беседой с тем лицом, разговор с которым, как он надеялся, будет мне приятен. Затем я повернулся к Рафаилу. Тут после взаимных приветствий и обмена теми общепринятыми фразами, которые обычно говорятся при первой встрече лиц незнакомых, мы пошли ко мне домой и здесь в саду, усевшись на скамейке, покрытой зеленым дерном, начали разговор.

¹ Впервые описание путешествий знаменитого мореплавателя Америго Веспуччи было издано в 1507 г.

² Имеется в виду *Кожикоде*, ранее известный как Каликут (Каликвит), — город на Малабарском побережье Индии, в начале XVI в. принадлежавший Португалии.

Рафаил рассказал нам, как после отъезда Веспуччи он сам и его товарищи, оставшиеся в крепости, начали мало-помалу, путем встреч и ласкового обхождения, приобретать себе расположение жителей той страны. В результате они не только жили среди них в безопасности, но чувствовали себя с ними по-приятельски; затем они вошли в милость и расположение к одному государю (имя его и название его страны выпали у меня из памяти).

Благодаря его щедрости, продолжал Рафаил, как сам он, так и его товарищи получили в изобилии продовольствие и денежные средства, а вместе с тем и вполне надежного проводника. Он должен был доставить их — по воде на плотах, по суше на повозках — к другим государям, к которым они ехали с дружескими рекомендациями. После многодневного пути Рафаил, по его словам, нашел малые и большие города и густонаселенные государства с отнюдь не плохим устройством.

Именно, под экваториальной линией, затем с обеих сторон вверх и вниз от нее, почти на всем пространстве, которое охватывает течение солнца, лежат обширные пустыни, высохшие от постоянного жара.

В них повсюду нечистота, грязь; предметы имеют скорбный облик; все сурово и не возделано, заселено зверями и змеями или, наконец, людьми, не менее дикими, чем чудовища, и не менее вредными.

Но по мере дальнейшего продвижения все мало-помалу смягчается: климат становится менее суровым, почва — привлекательной от зелени, натура живых существ — более мягкой. Наконец открываются народы, города, большие и малые, в их среде постоянные торговые сношения по суше и по морю не только между собой и соседями, но даже и с племенами, живущими в отдалении.

По словам Рафаила, он имел возможность осмотреть многие страны во всех направлениях потому, что он и его